

сенке в комнату девушки, нашел ее там одну; она крепко спала. И, не разбудив ее, он набросился на нее. Проснувшись, несчастная не могла понять, человек это или дьявол, и принялась громко кричать, зовя мать на помощь, но та, стоя на нижней ступеньке лестницы, крикнула монаху:

– Нечего ее жалеть, святой отец, продолжайте ваше дело и проучите как следует эту дрянную девчонку.

После того как монах привел свой злой умысел в исполнение, весь раскрасневшись, он сошел вниз, где ждала его мать, и сказал:

– Мне думается, сударыня, что дочь ваша будет долго помнить мою плетку.

Мать горячо его за все поблагодарила, после чего поднялась в комнату к дочери. А та была в таком горе, в каком бывает всякая порядочная девушка, над которой учиняют насилие. И как только мать узнала всю правду, она стала повсюду разыскивать монаха, но он уже был далеко, во Франции о нем никто не слыхал.

– Вы видите, благородные дамы, сколь опасно бывает возлагать подобные поручения на людей, которые могут употребить их во зло. Исправлять мужчин должны мужчины, а женщин – женщины. Если женщины примутся исправлять мужчин, им помешает жалость; мужчинам же, взявшимся за исправление женщин, – их жестокость.

– Господи Иисусе, – воскликнула Парламанта, – до чего же коварен и подл этот монах!

– Скажите уж лучше, – возразил Иركان, – что мать этой девушки была сумасшедшей и глупой, если она не могла распознать лицемерие и дала такую волю у себя в доме тем, кого следует видеть только в церкви.

– Право же, – сказала Парламанта, – я считаю ее действительно одной из самых глупых матерей, какие были на свете. Если бы у нее нашлось столько ума, сколько было у жены судьи, она бы скорее сама сбросила его с лестницы, чем допустила, чтобы он по этой лестнице поднялся. Но что вы хотите? Из всех дьяволов самый опасный тот, который является в образе ангела. Он так хорошо умеет превратиться в посланца света, что люди совестятся в чем-нибудь его заподозрить. А ведь те, в ком нет подозрительности, достойны всяческой похвалы.

– А все-таки надо уметь вовремя заподозрить зло, дабы его избежать, – сказала Уазиль, – в особенности же это надо помнить тем, кому есть о ком позаботиться. Ибо лучше заподозрить зло, которого на самом деле нет, чем по глупости своей попасть впросак. И мне никогда не приходилось встречать женщины, которая бы оказалась обманутой из-за того, что она не сразу поверила словам мужчины; зато я знала многих, которые слишком поспешно верили лжи; вот почему я говорю, что нет ничего дурного в том, чтобы подозревать зло, которое может случиться. Особенно же это относится к тем, кому вверены судьбы мужчин, женщин, городов и государств, ибо, как ни бдителен человек, злобы и предательства на свете так много, что волк всегда может перехитрить пастуха, который плохо блюдет свое стадо.

– Да, но у человека подозрительного не может быть настоящего друга, – сказал Дагусен, – подозрение отчуждает.

– Может быть, вы знаете какой-нибудь случай, который нам это подтвердит, – сказала Уазиль, – я предоставляю вам слово, чтобы вы о нем рассказали.

– Да, я знаю такой случай, – сказал Дагусен, – и так как это сушая правда, вам интересно будет выслушать эту историю. Я расскажу вам о том, как скорее всего разрушается крепкая дружба: это бывает тогда, когда в ком-нибудь из друзей рождается подозрение. Ибо, веря другу, мы оказываем ему самую большую честь, какую только можно оказать человеку, а усомнившись в нем, наносим ему смертельную обиду – ведь, поступая подобным образом, мы считаем, что он не такой, каким мы его хотим видеть. Из-за этого нередко ссорятся самые близкие друзья и становятся врагами, как это явствует из истории, которую я собираюсь вам рассказать.

Новелла сорок седьмая

Два дворянина жили в такой тесной дружбе, что все у них было общее, кроме жены, и так продолжалось до тех пор, пока женатый без всякого повода стая подозревать своего холостого друга в том, что тот соблазнил его жену; друга это лживое подозрение так оскорбило, что он рассорился с ним и успокоился только тогда, когда на самом деле наставил ему рога.